

2) в жанре «дорожного романа», 3) в жанре романтического романа, повествующего о путях поиска философского смысла жизни. Данные форматы тесно взаимосвязаны и перекликаются друг с другом, сливаясь в одну целостную, динамично развивающуюся, увлекательную картину приключенческого травелога.

3.2.2. Мемуары как травелог

В «Краткой литературной энциклопедии» дается следующее определение жанру мемуаров: «Мемуары (франц. *mémoire* – воспоминание) – повествование в форме записок от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем к-рых он был»³²².

Трансляция материала в мемуарах производится, как правило, от первого лица. По хроникальности и фактографичности изложения они примыкают к *дневнику* – периодическим записям о событиях текущей жизни. По достоверности материала большинство мемуаров близко *исторической прозе*, или научным *биографиям*, или *документально-историческим очеркам*, или *исповедальным трактатам*. Однако в отличие от исследователя-биографа мемуарист воспроизводит лишь ту часть действительности, которая находилась исключительно в его поле зрения, «при этом повсюду на переднем плане или он сам или его точка зрения на описываемое»³²³. В отличие от жанра «Исповедь», в центре внимания мемуарной литературы не столько духовные искания и душевные травмы автора, сколько авторское видение и понимание событий и фактов прошлого, разговоров и встреч с реальными людьми.

Мемуары являются ценными свидетельствами своего времени, не смотря на то, что они не чужды субъективности и по фактической точности уступают документу. «Однако неполнота фактов и почти неизбежная односторонность информации искупаются в М. живым и непосредственным выра-

³²² Левицкий Л.А. Мемуары // Краткая литературная энциклопедия / главный редактор А.А. Сурков. Т. 4. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1967. С. 759.

³²³ Там же.

жением личности их автора, что является по-своему ценным «документом» времени»³²⁴.

К устойчивым признакам мемуаров относятся: 1) фактографичность; 2) ретроспективность материала и авторского взгляда; 3) интенция к реконструкции увиденного и осмысленного прошлого; 4) особое внимание к описанию неизвестных и малоизвестных событий и фактов, к которым имел отношение автор; 5) воспроизведение контекстуального плана событий прошлого – особого духа времени, атмосферы, обстановки, настроений, связанных с борьбой интересов, амбиций и самолюбий, свидетелем которых стал автор мемуаров.

Зарождение мемуаров обычно связывают с появлением в эпоху античности первых работ данного типа: воспоминания Ксенофонта (о Сократе), его записки о военном походе греков («Анабасис», 401 до н.э.); «Записки о Галльской войне» и «Записки о гражданской войне» Г.Ю. Цезаря, в которых автор излагает соответственно события 58–51 и 49–48 гг., ставя целью оправдать свою деятельность в глазах современников³²⁵.

В XII в. в Западной Европе появляются произведения, в которых отчетливо видны признаки мемуарного жанра. К ним можно отнести «Историю моих бедствий» (1132–1136) Петра Аберяра³²⁶, в которой автор повествует о своей педагогической и философской деятельности, о своих разнообразных талантах, порой, возводя их в превосходную степень, о ненавистных врагах в лице, прежде всего, католической церкви, а также о перепетиях трагической любви к Элоизе и своём физическом оскотлении.

Важную роль в развитии жанра мемуаров играют произведения XVI века, проливающие гораздо больше света на политико-религиозную борьбу эпохи Возрождения, чем многие официальные документы. Сюда относятся: мемуары Мишеля де Кастельно, Агриппы д'Обинье, Блеза де Монлю-

³²⁴ Там же.

³²⁵ Шталь И. В. Цезарь // Краткая литературная энциклопедия / главный редактор А. А. Сурков. Т. 8. М.: Издательство «Советская энциклопедия». 1975. С. 381.

³²⁶ Аберяр, Петр. История моих бедствий [Текст] / Петр Аберяр; перевод с лат. С. С. Неретиной; [примеч. С. С. Неретиной]; послесловие С. С. Неретиной. Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2011. 125 с.

ка (1521–1572), Маргариты де Валуа (первая жена Генриха IV), записки которой описывают атмосферу придворной жизни и др.

Выдающимся литературным произведением, созданным в 1552–1562 гг., является книга Б. Челлини «Жизнь Бенвенуто Челлини, написанная им самим». Её можно отнести как к мемуарному жанру, так и к автобиографическому.

Страницы мемуаров Челлини – это яркое повествование о собственной жизни, о делах и конфликтах с заказчиками его художественных работ – герцогами, королями, высшими чинами католической церкви, просто с разного рода обидчиками. Вначале он описывает годы учения во Флоренции, затем – странствования подмастерьем, наконец, годы мастерства и славы. Челлини ведет кочевой образ жизни: Болонья, Пиза, Сиена, Венеция, Рим, Париж, Флоренция – вот основные места его пребывания. У мастеров Болоньи он совершенствуется игре на флейте, в Пизе и Риме постигает ювелирное искусство (резьба печатей, медалей, монет), во Флоренции и Риме создает свои школы камнерезного искусства и чеканки монет. В 1540–1545 гг. Челлини работал в Париже и Фонтенбло, выполняя заказы короля Франциска I, исполнил его портретную медаль.

Челлини описывает финансовые и иные сложности, с которыми ему пришлось сталкиваться при выполнении заказов высокопоставленных особ, в частности, при создании своей знаменитой скульптуры «Персей, держащий голову Горгоны Медузы» (над её созданием он работал 9 лет).

Мемуары Челлини насыщены рассказами о потасовках, драках, кровавых столкновениях с личными врагами, соперниками, а то и просто с первыми встречными, имевшими несчастье его задеть неосторожным словом. Свой длинный кинжал, с которым Челлини не расставался никогда, он пускает в ход весьма «решительно». На его совести есть несколько убийств, хотя, исходя из текста, не видно, чтобы это его особенно тревожило. «Несомненно, что о своих драках автор мемуаров рассказывает с удовольствием, не без гордости сообщая, как он один ворвался в дом к оскорбителю, где, орудуя кинжалом направо и налево, нагнал страху, как «в судный день», как вышел победителем против дюжины противников. Вообще, начиная с его участия, пятнадцатилетним юношей, в уличной потасовке, за которую он подвергается изгнанию в Сиену, реестр подобного рода подвигов ведет-

ся не менее аккуратно, чем перечень художественных работ, и эти подвиги описываются с неменьшим красноречием»³²⁷.

В своих мемуарах Челлини делает весьма наблюдательные замечания относительно различий в общественных порядках между Италией и Францией. В отдельной главе он рассказывает, что, когда он приехал во Францию, несмотря на лестный прием у короля и ряд выгодных заказов, ему скоро стало не по себе. Настолько, что он даже собирался поскорее закончить начатые работы и вернуться в Италию, «не в силах будучи ужиться со злодействами этих французов» (в устах Челлини эта жалоба звучит весьма забавно). «Оказывалось, что он уже успел «для своей защиты учинить много этих самых дел». А во Франции несколько другие порядки, чем в итальянских городах. В Италии на «эти самые дела» смотрели часто сквозь пальцы, и наказание обычно сводилось к изгнанию из города; буйство ему легко сходило с рук. Здесь же весьма развито судопроизводство, и против постановлений муниципалитета иногда бессилён сам король».

В этой связи у Челлини во Франции сразу возникает ряд процессов: с соседями, с натурщицей и т.д. Эти тяжбы приводят его в отчаяние. По возвращении во Флоренцию он сообщает об этой страсти французов к тяжбам: тяжбы даже продают и «дают в приданое», а кто не умеет судиться – пропащий человек. «Челлини вручают повестки – и вот он и зале суда. Здесь ему, иностранцу, все кажется просто поразительным. Наконец, он приходит к выводу, что перед ним настоящая картина ада, а судья, «этот удивительный человек – истинный облик Плутона»³²⁸.

«Жизнеописание» Челлини можно отнести к той разновидности мемуарной литературы, где на передний план вынесена личность автора, которая господствует над всем повествованием и больше всего приковывает к себе внимание. Колоритный образ автора доминирует на живописном фоне повседневного быта итальянских городов, папского

³²⁷ Пинский Л. Бенвенуто Челлини и его «Жизнеописание» // Жизнь Бенвенуто Челлини, написанная им самим / перевод с итальянского М. Лозинского; вступительная статья и примечания Л. Пинского. М.: государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 12.

³²⁸ Там же. С. 14.

двора, королевских замков: «Беспокойные дороги и шумные площади, зала суда и тюремные камеры, папский двор и королевские апартаменты, но, прежде всего, повседневный быт художника века Возрождения в Италии, его дом и мастерская, условия его работы, зависимость от титулованных потребителей, взаимоотношения с соперниками, с товарищами по ремеслу или с учениками и натурщицами – все это хорошо запоминается читателю»³²⁹.

Травелог Челлини, пронизанный страстностью изложения событий из личного опыта автора, побывавшего в 30 городах Италии, а также жившего несколько лет во Франции – Париже и в Фантенбло, – рисует убедительную картину творчески богатой и авантюрно насыщенной жизни выдающегося человека эпохи Возрождения. Именно этим он продолжает возбуждать неподдельный интерес у современного читателя.

В XVII веке жанр мемуарных травелогов продолжает обогащаться новыми произведениями. Во Франции – это время расцвета мемуарной литературы. Обильную жатву мемуаров принесла полоса религиозных войн XVI в. Аналогичное происходило и после Фронды. Порожденные общественным кризисам середины XVII столетия, многочисленные мемуары оказались весьма разнообразными с точки зрения жанровых особенностей. «Здесь и своего рода исторические хроники, тяготеющие к бесстрастному фиксированию внешнего хода событий, и воспоминания очевидцев, содержащие колоритные, как правило частные, эпизоды и детали исторических перипетий, мемуары-биографии и мемуары-политические трактаты, содержащие обоснование и оправдание общественных позиций их авторов»³³⁰. Среди известных мемуаров – воспоминания Ришелье, Лорошфуко, Бюсси-Рабютена, мадмуазель де Монпасье и др. Но самыми знаменитыми являются «Мемуары Жана-Франсуа-Поля де Гонди кардинала де Реца» (1675–1677 гг.). Примечателен стиль «Мемуаров» Реца, в которых «воплотились стремление освободиться от условности риторических канонов, тяготение к дышащей энергией целеустремленности и к простоте выражения

³²⁹ Там же. С. 21.

³³⁰ Виппер Ю.Б. Проза 60–70-х годов XVII в. // История всемирной литературы в девяти томах. Том 4 / отв. ред. Ю.Б. Виппер. М.: Издательство «Наука», 1987. С. 166.

мыслей»³³¹. Мемуары Реца свидетельствуют о весьма отчетливых представлениях автора об острых противоречиях, раздиравших абсолютистскую Францию XVII столетия, о том, что он отвергал тиранию, что подспудной движущей силой Фронды было низовое движение общественных сил, а не цепочка отдельных заговоров, частных сделок и политических комбинаций. Рец «проницательно и метко раскрывает... сокровенные мотивы поведения своих соратников по Фронде». При этом он не склонен к самоидеализации, не скрывает своих просчетов и слабостей. Он умет не только рассказывать и анализировать, но и «рисовать» впечатляющие портреты своих современников – Ришелье, Мазарини, Ларошфуко и др. При этом свои наблюдения Рец нередко обобщает в форме сентенций и афоризмов³³².

Увлечение мемуарным жанром значительно возросло во времена Французской революции XVIII в и эпохи Наполеона (мемуары Неккера, Безанваля, Феррье, Александра Ламета, Лафайета, мадам де Сталь, Кампан, Барбару, Бидьо-Варенна, Дюмурье, мадам Ролан, Мирабо, Мунье, Барера, Камилла Демулена, Биньона, О'Меары, Констан, Лавалетта, Савари, герцогини д'Абрантес и др.). В XIX в. наиболее известными произведениями мемуарного плана стали работы Ф. Гизо, мадам де Сталь, И.В. Гёте, Г. Гейне, Евгения Вюртембергского, Клеменса Меттерниха, М.А. Бестужева, П.А. Кропоткина, А.Ф. Кони др.

К важнейшим произведениям данного рода относятся «Воспоминания как материалы для истории моего времени» Франсуа Гизо, которые были изданы в восьми томах (1858–1867 гг.) при жизни автора. Данная работа изначально претендовала на то, чтобы стать достоянием самой широкой публики, что позволяет отнести её к разряду «современные истории». В ней транслируется авторское видение общественно значимых событий первой половины XIX в.

Подготовка текста к публикации заставила Гизо сгладить или упростить некоторые моменты, внести коррективы в исходные записи (например, ослабить критику в адрес Наполеона I и режима Первой империи, которую Гизо позволял себе в период Реставрации). Сам автор пытался обозначить свою позицию по всем основным вопросам, связанным

³³¹ Там же. С. 167.

³³² Там же. С. 166–167.

с государственной деятельностью. Вполне закономерно, что суждения периода пребывания Гизо в оппозиционном лагере были менее осторожными и более провокационными по отношению к власти, чем относительно взвешенные поздние формулировки. Гизо хорошо понимал, что «Воспоминания» станут важным источником для изучения французской и европейской истории, о чем свидетельствует их заглавие и структура, в основе которой лежит проблемно-хронологический принцип. Несмотря на то, что историк начал составление мемуаров после вынужденного ухода из политики в 1848 г., они включили в себя без изменений значительный массив личных материалов более раннего периода (политическая корреспонденция, частная переписка, тексты речей и памфлетов). Со-поставление документов, отразивших отношение мыслителя к событиям, современником которых он являлся, с текстами, специально подготовленными для мемуаров, обнажает зазор между мировоззрением раннего и зрелого Гизо³³³.

Особенно богатой на мемуарные произведения оказалась русская литература начала XX-го века, отразившая грандиозные события Первой мировой войны и трёх русских революций. В советской России публикуются воспоминания большевиков, участников Гражданской войны, многих дипломатов, писателей, ученых, среди которых – мемуарные очерки М. Горького, «Силуэты» А. Луначарского, «Моя жизнь в искусстве» К. Станиславского. В 1930-е годы выходят «Воспоминания» В. Вересаева, цикл воспоминаний А. Белого («На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций») и др. В 1950–1980-е гг. выходят многочисленные воспоминания участников Великой Отечественной войны.

Масштаб издания мемуаров был поистине огромен. С 1959 по 1990 гг. Военным издательством Министерства обороны СССР издавались воспоминания участников войны, тружеников тыла, советских и партийных руководителей, объединенные в серию «Военные мемуары». Только в этой серии вышло 320 томов. «В 1977 г. в Военном издательстве вышел аннотированный указатель «О войне, о товарищах, о себе», посвященный военно-мемуарной литературе, опубликованной центральными и местными издательствами

³³³ Матвеев С.Р. Идея «среднего класса» в мемуарах Ф. Гизо // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 181–182.

в период с 1941 по 1975 гг. Указатель содержал аннотации на 886 книг»³³⁴.

Наиболее известными и наиболее неоднозначно оцениваемыми являются «Воспоминания и размышления» Маршала Советского Союза Г.К. Жукова³³⁵. Впервые книга вышла в свет в 1969 г. Второе издание, исправленное и дополненное с участием самого Г.К. Жукова, опубликовано уже после его смерти, в 1974 г. В данном варианте сам Жуков старался исправить допущенные неточности, пополнить книгу не вошедшими в первое издание материалами.

Жуков был единственным из всех военачальников и полководцев Великой Отечественной войны, входившим в состав Ставки Верховного Главнокомандования от первых дней войны и до Потсдамской конференции. В своих мемуарах маршал последовательно описывает многочисленные военные операции, в том числе: борьбу за Ленинград, битву за Москву, Сталинградскую битву, битву на Курской дуге, затем – сражения за Украину, освобождение Белоруссии, путь от Вислы до Одера и, наконец, штурм Берлина.

При описании деятельности Ставки и Генштаба в начальный период войны Жуков признаёт ошибки в стратегическом планировании и проведении военных операций, видя их, например, в том, что Ставка «не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало действительного положения дел и командование фронтов. В своем решении Главное Командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы»³³⁶. Говоря об ошибках и просчетах, допущенных органами руководства страны, Жуков пишет: «за первые 18 дней войны Северо-Западный фронт потерял Литву, Латвию и часть территории РСФСР, вследствие чего создалась угроза выхода противника через Лугу к Ленинграду, подступы к которому были еще недостаточно укреплены

³³⁴ Быков А.В. Мемуарная литература в историографии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3 (3). С. 56.

³³⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. 415 с.

³³⁶ Там же. Т. 1. С. 283.

и слабо прикрыты войсками. За все это время Генеральный штаб не получал от штаба Северо-Западного фронта ясных и исчерпывающих докладов о положении наших войск, о группировках противника и местоположении его танковых и моторизованных соединений. Приходилось иногда предположительно определять развитие событий, но такой метод, как известно, не гарантирует от ошибок»³³⁷.

Давая анализ состояния организации Сталинградской битвы, Жуков особо подчеркивает, что важнейшими предпосылками разгрома немецких войск в операциях «Уран», «Малый Сатурн» и «Кольцо» явились умелая организация оперативно-тактической внезапности, правильный выбор направления главных ударов, точное определение слабых мест в обороне врага³³⁸.

В главах, повествующих о контрнаступлении Советских войск и освобождении территории страны от врага, Жуков дает важные сведения о состоянии войск, их расположении, составе фронтов, численности и действиях партизанских войск, потерях противника. Так, в частности, подводя итоги летней военной кампании 1944 года, он пишет: «...зимой 1944 года Красная Армия нанесла немецко-фашистским войскам тяжелое поражение. Были полностью уничтожены 30 дивизий и 6 бригад, 142 дивизии и 1 бригада потеряли от половины до двух третей боевого состава. Для пополнения своих войск немецкому командованию пришлось перебросить на советско-германский фронт 40 дивизий и 4 бригады из Германии и других стран Западной Европы. Красная Армия освободила колоссальную территорию почти в 330 тысяч квадратных километров, на которой до войны проживало около 19 миллионов человек»³³⁹.

Среди мемуаров о Великой Отечественной войне особо выделяется книга маршала Советского Союза «Дело всей жизни» Александра Михайловича Василевского³⁴⁰. С 1 августа 1941 г. А. М. Василевский был назначен начальником оперативного управления и заместителем начальника Генерального штаба. Пребывая в этой должности, он был посвящен

³³⁷ Там же. Т. 1. С. 291.

³³⁸ Там же. Т. 2. С. 122–123.

³³⁹ Там же. С. 220.

³⁴⁰ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Издательство политической литературы, 1974. 542 с.

во многие аспекты принятия важнейших стратегических решений. Его книга воспоминаний изобилует описанием факторов, влиявших на их принятие, полна подробностями деятельности Генерального штаба, описаниями поведения отдельных личностей и в первую очередь И. В. Сталина. «При этом сюжеты о принятии важных военно-стратегических решений перемежаются с описанием «бытовых» случаев. Например, наряду с разбором хода планирования важнейших операций на фронтах присутствуют сюжеты о заботе Сталина об обязательности 5–6-часового сна для работников Генштаба... На первый взгляд это мелочи, не имеющие отношения к основному содержанию книги, но именно такие «бытовые мелочи» позволяют лучше понять атмосферу того времени. Уделяется внимание и полемике с зарубежными исследователями... В частности, в главе, посвященной Сталинградской битве, указывается на несостоятельность приравнивания Сталинградской битвы к битве при Эль-Аламейне или высадке американских войск на остров Гаудалканал (японский гарнизон которого насчитывал около 2 тысяч человек). Завершается книга повествованием о проведении операции по разгрому Квантунской армии Японии»³⁴¹.

Мемуары советских военачальников – это уникальные свидетельства полководцев-участников войны. Особенно важным является то, что при подготовке воспоминаний авторы имели доступ к архивным источникам, недоступным историкам-исследователям. Кроме того, большинство мемуаров военачальников содержат схемы, карты, списки руководящего состава, сведения о приемах ведения боев, о численности войск и некоторые другие фактические материалы. Таким образом, многие документы и факты были введены в научный оборот именно благодаря мемуарным публикациям.

Появляющиеся в настоящее время новейшие информационные технологии невероятно расширяют сферу мемуарной литературы, попутно создавая условия для стирания стилевых и жанровых границ, открывая простор необыкновенным сращениям.

В мемуарах, особенно охватывающих значительный промежуток времени (сравнимый с жизнью автора), отчет-

³⁴¹ Быков А. В. Мемуарная литература в историографии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 3 (3). С. 62–63.

ливо просматривается схематизм травелога: жизнь, описываемая мемуаристом, предстает как жизненный *Путь*, автор – *Путник*, который претерпевает множество Испытаний (Приключений), в которых он должен делать *Выбор*, принимать решение. Вот почему все критики произведений этого жанра обращают внимание на то, что, будучи ценным во многих отношениях документом, мемуары куда более важны с точки зрения «натуры» их автора, который, зачастую, предпринимает усилия для принятия решений с целью предстать в глазах потомков в лучшем виде. Это часто толкает мемуаристов на заведомую фальсификацию реальных событий и той роли, которую на деле играл в них автор. В силу этих обстоятельств действует главное правило травелога – это повествование, сознательно выстраиваемое мемуаристом; все описания, к которым по необходимости прибегает автор для адекватного воспроизведения контекстов, носят служебный, подчиненный характер. Главный вопрос заключается в итоге в следующем: выдержал ли автор испытания, стал ли он большим или малым героем, одолевшим свой Путь, или он так и остался «статистом», «героем» строчки в газетных новостях.

3.3. Политический травелог

Политический травелог представлен прежде всего текстами программ политических партий³⁴², предвыборных программ политических партий, манифестами³⁴³ (воззваниями), мемуарами политических деятелей и их биографиями.

³⁴² «Путь Британии к социализму. Программа Коммунистической партии Великобритании» (1951); «Бирманский путь к социализму» (1962); «Программа КПСС, принятая на XXII съезде КПСС» (1961), «Программа «500 дней» (программа Шаталина-Явлинского) – непринятая программа перехода плановой экономики Советского Союза на рыночную экономику в целях преодоления экономического кризиса 1990 года и реализации «прав граждан на лучшую, более достойную жизнь». См.: Дж. Боффа. Национальные пути к социализму. Москва и коммунистические партии в послевоенный период / Скеписис. URL: https://scepsis.net/library/id_3194.html.

³⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М, Политиздат, 1974. 63 с.: Государственное издательство политической литературы. 1955. Том. 4. С. 419–459; Манифест политической партии «Гражданская инициатива». URL: <http://>